

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Философия общества. Гоббс о хаосе
и суверенитете

Говоря об отношении утопистов к войне, Томас Мор заявляет: «Их единственная цель в войне – обеспечить то, что, если бы оно было получено заранее, предотвратило бы объявление войны». Такой принцип исключал бы все требования безоговорочной капитуляции и другие формы завоевательной миссии. Но Мор, который не раз был вовлечён в качестве политика в войны Генриха VIII, не выработал систематически этические принципы, которые указывают на разницу между справедливыми и несправедливыми войнами. Это было сделано позже иезуитским богословом Франциско Суаресом.

Суарес, развивая идеи, которые можно найти у Аквинского, резюмирует классическую теорию справедливой войны следующим образом: «Для того чтобы война шла с честью, необходимо соблюдать несколько условий, которые можно свести к трём главам. Во-первых, она должна быть объявлена законной властью. Во-вторых, должны быть справедливые основания. В-третьих, должны соблюдаться надлежащие средства и пропорции при начале, ведении и победе».

Условие законной власти означает для Суареса, что войны могут вестись только суверенными правительствами. Отдельные лица и группы внутри государства не имеют права регулировать свои разногласия силой оружия. Однако Суарес считает, что папа как наднациональная власть, имеет право вмешиваться в регулирование споров между христианскими правителями.

Суарес признаёт два вида справедливой причины. Если страна подвергается нападению, она имеет право защищаться с оружием в руках. Но законным может быть и ведение наступательной войны. Суверен может отдать приказ о нападении на другое государство, если это единственный способ исправить серьёзную несправедливость по отношению к себе или своим союзникам. Однако военные действия могут быть начаты только в том случае, если есть достаточная надежда на победу. В противном случае обращение к оружию не сможет исправить несправедливость, которая послужила первоначальной основой для войны.

Третье условие имеет три элемента. Прежде чем начать войну, суверен должен предложить потенциальному врагу возможность исправить зло, на которое он жалуется. Только если он этого не сделает, на него могут напасть. В ходе войны необходимо использовать только такое насилие, которое необходимо для достижения победы. После войны могут быть взысканы компенсация и справедливое наказание, а виновные в войне могут быть казнены.

Второй из этих элементов, говорит Суарес, исключает преднамеренные нападения на невинных людей. Но кто здесь невинный? Суарес даёт определение, которое уже, чем у некоторых его преемников. Дети, женщины и те, кто не может носить оружие, объявляются невинными по естественному закону, а позитивное право исключает нападения на послов и священнослужителей. Но все остальные, утверждает Суарес, являются законными целями.

«Все другие лица считаются виновными, поскольку человеческий суд рассматривает лиц, способных взять в руки оружие, как фактически совершивших зло».

Суарес также признаёт, что на войне вполне вероятно, что некоторые невинные люди будут убиты как часть сопутствующего ущерба, нанесённого в ходе нападения. Исключается преднамеренное нападение на невинных.

Суарес считает, что его правила, в первую очередь, обязательны для суверенов. Именно они обязаны убедиться в том, что на балансе вероятностей война, которую они рассматривают, справедлива. Обычный солдат, которому приказано сражаться, может считать, что война справедлива, если она не является явно несправедливой. И даже доброволец-наёмник может возложить бремя исследования этого вопроса на командира своей бригады.

Учение Суареса о морали войны было принято без признания и получило гораздо более широкое распространение Гуго Гроцием, голландским юристом и дипломатом-энциклопедистом, который опубликовал в 1625 году знаменитый трактат «De Iure Belli et Pacis» («О правах и несправедливостях войны и мира»). Это поставило доктрину справедливой войны в контекст нравственной теории, которая была специально разработана, чтобы быть отделённой от понятия божественного закона. Это вовсе не означало, что Гроций был неверующим, но его опыт религиозных войн и разочарование в собственных попытках помочь христианскому объединению привели его к выводу о том, что конкретные религиозные убеждения являются ненадежной основой для прочного международного порядка. Очень актуальное сегодня наблюдение.

Здесь я хочу сделать оговорку. Хотя мы говорим о философии Нового времени, содержание

сегодняшней лекции позволяет понять подоплёку политических событий сегодняшнего дня – и во всём мире, и в каком-то конкретном театре действий. Мысли, которые Энтони Кенни излагает в начале XXI века, совершенно не случайны. Они помогают лучше понять логику тех или иных союзов, тех или иных правителей современности. Энтони Кенни продолжает рассматривать политическую философию Нового времени.

Суарес и Гроций рассматривали войну как иногда необходимое отклонение от естественного порядка, при котором государства гармонично сосуществовали бы в рамках консенсусной морали. Самый известный политический философ XVII века Томас Гоббс придерживался прямо противоположного взгляда на природу политики. Естественное состояние свободных людей было состоянием вечной войны. И главной задачей философа-моралиста было оправдать согласие людей жить в мирном подчинении правительству. Этому он посвятил свой шедевр «Левиафан».

Гоббс рисует мрачную картину естественного состояния человечества. Люди примерно равны в своих естественных силах тела и ума. Из этого равенства возможностей возникает равенство надежд в достижении наших целей. И поэтому, если два человека желают одного и того же, чего не могут добиться оба, они становятся врагами. «Независимо от того, ищут ли они удовольствия или просто стремятся к самосохранению, люди оказываются в конкуренции друг с другом. Каждый человек не доверяет своим конкурентам и боится атаковать, поэтому стремится опередить и одолеть их. Каждый человек ищет похвалы от своих спутников и возмущается любым признаком безразличия. Так что в природе человека мы видим три основные причины раздоров. Во-первых – конкуренция, во-вторых – неуверенность, в-третьих – слава».

Если и до тех пор, пока не будет общей власти, чтобы держать людей в страхе, будет постоянная сварливая и нерегулируемая конкуренция за товары, власть и славу. Это можно описать как состояние войны. Как пишет Гоббс: «война каждого человека против каждого человека». В таких условиях, говорит Гоббс, не может быть промышленности, сельского хозяйства или торговли. «Нет знаний о земле, нет счёта времени, нет искусства, нет письменности, нет общества и, что хуже всего, есть постоянный страх и опасность насильственной смерти, а жизнь человека – одинокая, бедная, полная ненависти, жестокая и короткая».

Гоббс настаивает на том, что, описывая первобытное состояние войны, он не обвиняет людей в какой-либо порочности в их естественном состоянии. «В отсутствии законов не может быть греха, а в отсутствии суверена не может быть закона. В естественном состоянии нет места понятиям добра и зла, справедливости и несправедливости. Там, где нет общей власти, нет закона, где нет закона, нет несправедливости. Сила и мошенничество – две главные добродетели войны. Точно так же нет прав или собственности, кроме тех, что каждый человек, может получить силой». Философы привыкли говорить о естественном законе (*lex naturalis*) и естественном праве (*ius naturale*).

Среди других естественных законов (Гоббс перечисляет их девятнадцать) самым важным является третий «то, что люди соблюдают свои заветы». Завет для Гоббса – это особая форма контракта. Договор передачи права другому с учетом взаимных выгод. Договор – это договор, в котором, в отличие от немедленной покупки и продажи, присутствует элемент доверия. По крайней мере одна сторона пакта оставляет другую сторону для выполнения своей части сделки на более позднем этапе. Без третьего закона природы, говорит Гоббс, «заветы напрасны, а слова пусты, и право всех людей на всё означает, что мы всё ещё в состоянии войны». Именно этот закон лежит в основе понятий справедливости и несправедливости, ибо несправедливость – это именно невыполнение завета.

Но заветы не являются обязательными там, где есть страх неисполнения с обеих сторон, так как они обязательно должны быть в естественном состоянии. Поэтому, прежде чем могут иметь место понятия справедливого и несправедливого, должна быть какая-то сила принуждения, чтобы заставить людей в равной степени выполнять свои заветы, страшась какого-то наказания, большего, чем они ожидают от нарушения своего завета. «До создания государства нет такой силы. Заветы без меча – это всего лишь слова, и нет никакой силы, чтобы обезопасить человека от всех».

Единственный способ создать общую власть для людей – это «передать всю свою силу и мощь одному человеку или одному собранию людей, которые могут свести все свои желания,

множеством голосов, к одной воле». Тогда центральная власть олицетворяет весь народ, и народ, объединённый в одном лице, называется государством. «Это поколение великого Левиафана или, говоря более благоговейно, того смертного бога, которому мы под бессмертным Богом обязаны нашим миром и безопасностью». Завет, заключённый членами государства, устанавливает суверена и делает всех членов, вступивших в соглашение, своими подданными.

Может показаться, что в изложении Гоббса получается замкнутый круг. Он говорит, что не может быть обязательных к исполнению заветов, если нет суверена, который мог бы их исполнять. И не может быть суверена, если он не вступил в должность согласно обязательному договору. Для решения этой проблемы мы должны понимать, что договор и суверен возникают одновременно. Суверен сам не является участником договора и поэтому не может нарушать его. Его функция заключается в том, чтобы обеспечивать не только изначальный завет, который представляет государство, а отдельные заветы, которые люди заключают друг с другом.

Хотя Гоббс не скрывал, что является роялистом, он намеренно оставил открытым в своей политической теории вопрос о том, должен ли суверен быть отдельным человеком или собранием людей. Если бы он этого не сделал, он вряд ли мог бы в 1652 году вернуться в Англию, управляемую парламентом. Но независимо от того, является ли суверенная власть монархией, аристократией или демократией, «Левиафан» настаивает на том, что её власть должна быть абсолютной. Суверен не может лишиться своей власти, и ни один подданный не может обвинить своего суверена в несправедливости. Поскольку суверен олицетворяет народ, каждый субъект является автором каждого действия суверена, и поэтому он не может жаловаться на такие действия. «Ни один человек, обладающий суверенной властью, не может быть справедливо казнён или каким-либо иным образом наказан своими подданными. Ибо каждый субъект является автором деяний своего государя. Он наказывает другого за деяния, совершенные им самим».

Суверен является источником закона и имущественных прав. Он имеет право определять, какие средства необходимы для обороны государства. Его прерогатива – воевать и мириться с другими государствами. Он является арбитром всех оспариваемых исков, и именно ему решать, какие мнения и доктрины могут быть поддержаны в государстве. Только суверен имеет право назначать, награждать и наказывать всех министров и судей. Если государь является монархом, он имеет право распоряжаться престолонаследием.

Наконец, суверен является верховным правителем в вопросах религии. Государь, а не епископ, должен определить, какие книги должны быть приняты как Священное Писание и каким образом они должны быть истолкованы. Неуместные интерпретации фанатичных сектантов были причиной гражданской войны в Англии, но наибольшую узурпацию суверенитета во имя религии можно найти в Риме. «Если человек задумается о происхождении этого великого церковного владычества, то он легко поймет, что папство – не что иное, как призрак умершей Римской империи, восседающий на ее могиле».

На этот тезис Гоббса и опирался Бертран Рассел, когда он говорил о границах католичества и протестантизма.

Какая свобода остаётся субъекту при Гоббсовском суверене? Свобода – это не более чем молчание закона. Субъект имеет право делать все, что суверен не регламентировал законом. Таким образом, субъект имеет право покупать и продавать, выбирать место жительства, рацион питания и профессию, родители имеют право воспитывать своих детей так, как они считают правильным. Но имеет ли субъект право не подчиняться приказу государя? Можно было бы ожидать, что Гоббс ответит «Никогда»! Сделать это было бы равносильно неповиновению самому себе. Но на самом деле он предоставляет широкие возможности для гражданского неповиновения.

Если государь повелевает человеку (хотя и справедливо осуждённому) убивать, ранить, калечить себя, не сопротивляться тем, кто нападает на него, воздерживаться от употребления пищи, дыхания или чего-либо другого, без чего он не может жить, этот человек имеет право не повиноваться.

Субъект не может быть принужден к даче показаний против самого себя. И он не обязан по справедливости предстать в качестве солдата по приказу своего государя. Гоббс говорит, что необходимо учитывать природную робость не только у женщин, но и у мужчин «женской храбрости». Избежание битвы может быть трусостью, но это не несправедливо. Единственный

случай, когда военная служба является обязательной, это когда оборона государства требует призыва всех, кто способен носить оружие. Наконец, «обязательство подданных перед сувереном понимается как длящееся так долго, и не дольше, чем власть, которой он способен их защитить».

Здесь мне хотелось бы сделать пояснение. Это очень важный принцип международного конституционного права. И поэтому те, кто говорит о том, что советская империя развалилась неправильно, и нужно её восстановить, конечно, противоречат и логике, и международному праву. Когда империя (советская или какая-либо иная) уже не может выполнять свою основную функцию, обратного хода быть не может. По крайней мере, законного, в рамках международного права.

Если государь не выполняет свою основную функцию, функцию защиты своих подданных, то их обязанность перед ним теряет силу.

Поэтому теория государства, представленная в «Левиафане», является оригинальной и мощной интеллектуальной системой, структура которой нашла отражение в работах политических философов со времен Гоббса до наших дней. Система, предложенная Гоббсом, не является тоталитарной, несмотря на её акцент на абсолютном суверенитете, потому что внутри неё государство существует ради граждан, а не наоборот. Как в некоторых современных государствах. Несмотря на верность стюартовским государям, Гоббс не верил в учение о божественном праве королей, выдвинутое основателем этой династии королем Яковом I. Для него права государя вытекают не из божественного повеления, а из прав тех лиц, которые отказываются от них, чтобы стать его подданными. В этой доктрине самым близким предшественником Гоббса был Марсилиус Падуанский, который в XIV веке настаивал на том, что законы, принятые правителями, получают свою легитимность не непосредственно от Бога, а только через посредничество согласия граждан. Но Гоббс – это первый философ, который получает легитимность правителя непосредственно из соглашения граждан, без какого-либо разрешения Бога, сверх его роли как конечной причины человеческой природы.